DOI: 10.18287/2542-0445-2020-26-4-22-29

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94 (47)

Дата поступления: 05.10.2020
рецензирования: 22.11.2020
принятия: 27.11.2020

Я.М. Цыганова
Самарская областная универсальная научная библиотека, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: tym90@mail.ru. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2316-7906

Образ Самарского Поволжья второй половины XIX – начала XX в. (по материалам путеводителей и путевых заметок)

Аннотация: В статье рассматривается проблема образа Самары и Самарского края второй половины XIX – начала XX в., «лица» Самары той эпохи, бренды города и губернии. Автор показывает аспекты сторон образа Самарского Поволжья, которые отражались и транслировались российской читающей публике на страницах путеводителей и очерков тех времен, но еще не были освещены историками и краеведами. Раскрытие этих вопросов позволит судить, какие образы прошлого Самарского Поволжья существовали в российском общественном сознании пореформенного периода, какие новые бренды региона появились к началу XX века. В ходе проведенного исследования автор выявила, что, во-первых, образы прошлого края связаны преимущественно с волжской вольницей и именами знаменитых казацких атаманов; во-вторых, значительная часть «брендов» Самарского Поволжья появилась уже во второй половине XIX – начале XX в.: кумысолечение, крупные хлебные пристани и т. д. В связи с этим автор высказывает предположение, что Самарское Поволжье в пореформенную эпоху только обретало свое место на «ментальной карте» российского общества.
Ключевые слова: образ региона, историческая память, воображаемая география, путеводители по Волге, Самарское Поволжье, Самарская губерния, Самара, пореформенный период.
Цитирование. Цыганова Я.М. Образ Самарского Поволжья второй половины XIX – начала XX в. (по материалам путеводителей и путевых заметок) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 4. С. 22–29. DOI: http://doi.org/10.12287/2542-0445-2020-26-4-22-29.
Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Яна Михайловна Цыганова** – кандидат исторических наук, ученый секретарь, Самарская областная универсальная научная библиотека, 443110, Российская Федерация, г. Самара, пр. Ленина, 14 а.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 05.10.2020
Revised: 22.11.2020
Accepted: 27.11.2020

Ya.M. Tsyganova
Samara Regional Universal Scientific Library, Samara, Russian Federation
E-mail: tym90@mail.ru. ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2316-7906

Image of the Samara Volga region in the second half of the XIX – early XX century (based on the guidebooks and travel notes)

Abstract: The article examines the problem of the image of Samara and the Samara region in the second half of the XIX – early XX century, the «face» of Samara of that era, the brands of the city and the province. The author shows aspects of the sides of the image of the Samara Volga region, which were reflected and broadcast to the Russian reading public on the pages of guidebooks and essays of those times, but have not yet been covered by historians and local historians. Disclosure of these issues will allow us to judge what images of the past of the Samara Volga region existed in the Russian public consciousness of the post-reform period, what new brands of the region appeared by the beginning of the XX century. In the course of the study, the author revealed that, firstly, the images of the past region are associated mainly with the Volga freemen and the names of the famous Cossack atamans; secondly, a significant part of the «brands» of the Samara Volga region appeared already in the second half of the XIX – early XX century: kumis therapy, large grain piers, etc. In this regard, the second suggests that the Samara Volga region in the post-reform era was only gaining its place on the «mental map» of Russian society.
Key words: image of a region, historical memory, imagined geography, Volga guidebooks, Samara Volga region, Samara province, Samara, post-reform period.
Citation. Tsyganova Ya.M. Image of the Samara Volga region in the second half of the XIX – early XX century (based on the guidebooks and travel notes). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiia = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2020, vol. 26, no. 4, pp. 22–29. DOI: http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-22–29. (In Russ.)
Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© **Yana M. Tsyganova** – Candidate of Historical Sciences, scientific secretary, Samara Regional Universal Scientific Library, 14 a, Lenina Avenue, Samara, 443110, Russian Federation.

Введение

Одной из востребованных исследовательских проблем в гуманитарных науках последних десятилетий стала проблема «воображаемой географии» и «ментальных карт» – образов регионов, существовавших в общественном сознании того или иного периода. Изучение этих вопросов позволяет проследить формирование региональной идентичности и ее «встраивания» в идентичность общенациональную, а также дает возможность понять, как тот или иной регион обретал свое место на «ментальной карте» страны, в чем была специфика его образа, запечатленного в исторической памяти общества.

Первопроходцем в этой сфере считается американский ученый Эдвард В. Саид, автор знаменитой книги «Ориентализм», в которой поднимаются проблемы формирования образов Востока и стереотипов его восприятия в культуре Запада [Саид 2006]. Впоследствии это направление получило развитие в работе Л. Вульфа, посвященной формированию образа Восточной Европы в европейской мысли эпохи Просвещения [Вульф 2003].

В России проблема образов регионов поднималась в работах Д.Н. Замятина, основоположника нового направления в отечественной науке – гуманитарной географии [Замятин 2006], появились исследования, посвященные образам Кавказа, Русского Севера, Сибири, Урала [Дегоев 2018; Родигина 2006; Власова 2013] (Орешина 2001).

Образы и представления об определенном регионе, бытовавшие в ту эпоху, наиболее полно отражаются в таких изданиях, как путеводители. Этот вид изданий и проблемы отражения в них образов регионов подробно исследуются в работах историка и культуролога И.И. Руцинской. Ею впервые исследуются путеводители как феномен массовой культуры, который отражал определенные стереотипы восприятия конкретного региона и транслировал эти стереотипы читающей публике (Руцинская 2012) [Руцинская 2014].

В последние годы историками, краеведами и культурологами активно изучаются вопросы, связанные с образами Самарского Поволжья и Самары, в том числе на основе путеводителей второй половины XIX – начала XX в. [Город и время 2012; Цыганова 2015; Лопатина 2019]. Подчеркивается, что Самара конца XIX – начала XX в. стяжала себе славу крупной хлебной пристани и быстро растущего европейского города, что, однако, совсем не сочеталось с абсолютной неблагоустроенностью.

Однако еще не проведен подробный анализ того, на каких сюжетах прошлого, а также особенностях культурной, общественной и экономической жизни Самарского Поволжья акцентировалось внимание авторов путеводителей. Изучение этих вопросов, чему и посвящено настоящее исследование, позволит судить о том, какие представления о Самарском Поволжье во всей их полноте отражались и транслировались на страницах путеводителей и путевых заметок: какие образы прошлого региона бытовали в российском общественном сознании второй половины XIX – начала XX в., какие новые образы формировались в эту эпоху.

Путеводители по Волге и очерки путешествий составляют источниковую базу статьи. Появлению и широкому распространению путеводителей способствовал тот факт, что благодаря развитию волжского пароходства с середины XIX в. стали популярны путешествия по Волге. Главной целью путеводителей было не только ознакомить читателей с регионом, но и привлечь к путешествию. Один из первых путеводителей по Волге был издан Н.П. Боголюбовым в 1862 году (Боголюбов 1862). Это издание представляет собой своеобразную энциклопедию сведений о Поволжье. Современные исследователи оценивают этот путеводитель как одновременно научный труд, художественный альбом и идентификацию волжского мифа на российской и европейской сцене (Город и время 2012, с. 10). Подобную характеристику вполне можно применить и к более поздним путеводителям (Кучин 1870; Монастырский 1884; Демьянов 1898; Москвич 1902; Бесчинский 1904; Гиляровский 1908; Андреев 1915). К началу XX века было издано несколько десятков наименований путеводителей, которые регулярно переиздавались.

В свою очередь, сами путешественники становились авторами путевых заметок или очерков путешествий, которые представляли собой собственные мысли авторов о Волге, каждой губернии, городе (Немирович-Данченко 1877; Сидоров 1894; Крушеван 1896; Марков 1901). В таких изданиях не было обилия фактов и справочной информации, как в путеводителях. Чаще всего авторы путевых заметок, описывая то, что они видели, делали это сквозь призму собственных впечатлений и оценок.

Ход исследования

Представления о Самарском Поволжье, которые сложились в российском обществе во второй половине XIX – начале XX в., во многом определялись как образом губернского города Самары, так и образом Среднего Поволжья в целом. В Среднем, а вместе с ним и Нижнем Поволжье, по историческим меркам недавно присоединенных к России, в ходе колонизации к XIX в. сформировалась особая этнокультурная общность, отличительной чертой которой являлось сочетание и взаимодействие культур различных народов. Именно о Самарском крае писал публицист Н.В. Шелгунов, что «сюда бежал и здесь селился народ отовсюду, и в России, кажется, нет губерний, где была бы такая смесь всяких людей. Сюда набежали хохлы, русские, татары, немцы; здесь вы найдете и потомков стрельцов, и потомков казаков, и потомков беглых солдат и раскольников. По религиям смесь еще больше: молокане, раскольники, православные, магометане, католики, лютеране» (Шелгунов 1895, стб. 376).

Во многих путеводителях присутствовали небольшие очерки о народах Средней Волги, как правило, коренных: татарах, чувашах, мордве, марийцах (черемисах), удмуртах (вотяках), башкирах, реже авторы считали нужным рассказать о народах, которые позднее заселили этот край. Прежде всего авторы описывали особенности быта и культуры средневолжских народов (Демьянов 1898, с. 29–38; Бесчинский 1904, с. 3–13). Многонациональность Среднего, в том числе Самарского, Поволжья в представлениях второй половины XIX – начала XX в. выражалась не просто в соседстве разных этносов, но и в их взаимодействии. Отмечалось даже, что русское население региона имело свои особенности в результате смешения и взаимовлияния с коренными народами Средней Волги, что вызвало «в приволжском великорусе отступления от типа великорусов соседних коренных великорусских областей», а религиозное разнообразие края способствовало многочисленным отступлениям от православной веры, в результате чего «Поволжье стало родиной большей части русских сект» (Трупчинский 1908, с. 44, 59).

Во второй половине XIX в. берега Волги в границах Самарской и Симбирской губерний (в то время Волга была естественной границей между двумя губерниями) были мало заселены, в отличие от других губерний, выше по Волге. Это объяснялось тем, что «край новый, не коренная Русь, край, в который русский человек пришел колонистом и во время недавно минувшее, так что и не успел еще хорошенько заселить его и сообщить ему вид, обнаруживающий прочную культуру» (Кучин 1870, с. 107).

Больше всего в Самарском Поволжье впечатляли Жигулевские горы, чей величественный вид внушал невольное благоговение (Кучин 1870, с. 112–113), их называли художественной славой и жемчужиной Волги (Демьянов 1898, с. 221; Лендер 1889, с. 127), по словам В.И. Немировича-Данченко, «точно в сказочное царство заехал» (Немирович-Данченко 1877, с. 117). Немалую роль в таком образном восприятии края играли «безмолвие и безжизненность. На всем их протяжении встречаются 3–4 поселка» (Бесчинский 1904, с. 248).

В путеводителях и путевых заметках как 1860-х гг., так и начала XX в., едва речь заходила о Жигулевских горах, авторы пересказывали многочисленные легенды о каком-нибудь холме или овраге, чуть ли не каждый из них был связан «с именами Степана Разина, Булавина, Заметаева» (Сырнев 1901, с. 129). Даже села напоминали имя какого-нибудь славного волжского удальца былых веков: «...тут село Ермаково, сохраняющее в своем имени память о Ермаке Тимофеиче, (…) и село Кольцово, в память товарища Ермака, известного есаула Кольцо» (Марков 1901, с. 440). Грабежи в районе Жигулевских гор случались еще в 1830–1840-е гг., однако к 1860-м гг. благодаря беспрерывной навигации окончательно прекратились. Волжские разбойничьи шайки остались только в легендах и в памяти местных жителей: «...многие бурлаки еще помнят и по сие время магические слова разбойников: сарынь на кичку» (Боголюбов 1862, с. 282–283).

К началу XX в. все больше в Жигулях привлекало их природное богатство. Предметом широкой эксплуатации были строевой лес, гудронный песчаник и знаменитый жигулевский известняк. В большом количестве добывалась и обжигалась известь. В конце XIX в. почти по всем склонам Жигулевских гор встречались ломки камня или громадные печи, устроенные из того же камня, для его обжигания (Демьянов 1898, с. 223–224). Значительная часть извести добывалась в Морквашах, Ширяевом буераке и отправлялась вниз по Волге (Монастырский 1884, с. 204). Ширяев буерак, кроме того, был известен как «Серный городок»: в XIX в. там производилась разработка самородной серы, но к началу XX в. она прекратилась.

Обращали на себя внимание путешествовавших по Волге и возвышенности левого берега Волги – Сокольи горы, а также знаменитый Царев курган, о котором, как и о Жигулевских горах, авторы путеводителей предпочитали больше приводить не столько правдивые факты, сколько легенды. Точнее, одну, упоминаемую во всех крупных путеводителях, легенду, связывавшую происхождение кургана с каким-либо царем, чаще всего с Иваном Грозным.

Первый город Самарской губернии на Волге – Ставрополь. В то время он отстоял от Волги на четыре версты, и пароходы могли пристать к краю города только весной во время половодья. Сам по себе город, небольшой и малонаселенный, по свидетельствам авторов популярных изданий на протяжении второй половины XIX – начала XX в., был «совершенно незначительным» и не имел «признаков, хотя бы и внешних, цивилизации» (Кучин 1870, с. 124; Гиляровский 1908, с. 64). Кроме того, город не отличался благоустройством, в то время в нем отсутствовал водопровод.

Однако к началу XX в. Ставрополь прославился как кумысолечебный и дачный курорт. Он выгодно отличался от других курортов России дешевизной (Гиляровский 1908, с. 64), также отдыхающих привлекали красивая местность (на противоположном берегу Волги знаменитые Жигулевские горы), хорошие климатические условия и чистый воздух. Сосновый и дубовый бор, которым был окружен город, оказался подходящим местом для строительства дач. Здесь располагалось около 300 дач, летом их посещало до 4 тысяч человек (Бесчинский 1904, с. 251), за счет этого в Ставрополе летом начиналось оживление, однако зимой жизнь вновь затихала.

Гораздо больше кумысолечебниц находилось в окрестностях Самары. Кумысолечение было настоящим «брендом» Самары той эпохи, Самарскую губернию называли колыбелью кумысолечения (Андреев 1915, с. 231). Самыми известными

были кумысолечебницы доктора Н.В. Постникова и купца Е.Н. Аннаева. Земский врач Н.В. Постников первым начал изучать лечебные свойства кумыса, особенно при чахотке (туберкулезе). Постников и открыл первое в Самаре кумысолечебное заведение в 1858 г. Оно находилось в Винном овраге, который впоследствии стал называться Постниковым. В начале XX в. к лечебнице примыкал обширный парк в 30 десятин. При заведении находился курзал для развлечений, вокруг которого располагались дачные домики, к началу XX в. здесь было 33 дома со 103 номерами (Андреев 1915, с. 231–232). Однако еще в первые годы существования этого заведения отмечались завышенные цены на проживание и кумыс «сравнительно с местными ценами» (Боголюбов 1862, с. 298).

Ближе к Самаре, на возвышенной местности под названием Вислый камень, располагалась еще одна знаменитая лечебница – купца Е.Н. Аннаева, открытая в 1863 г. и известная как Аннаевская дача. Самым замечательным в этой даче были оригинальные постройки в мавританском стиле, напоминавшие средневековый замок. В конце XIX в. Е.Н. Аннаеву пришлось продать свою дачу, она продолжала свое существование как кумысолечебное заведение, но постепенно приобрела характер увеселительной дачи, а не лечебницы (Гиляровский 1908, с. 69).

Кумысолечение довольно быстро набирало популярность, что способствовало появлению новых лечебных заведений. О наиболее известных из них давалась краткая информация в путеводителях. Среди них дача Плешанова, расположенная рядом с городом. Летом здесь селился татарин-специалист, который выделывал кумыс и доставлял его дачникам (Бесчинский 1904, с. 266). Чуть дальше по Семейкинской дороге находилось заведение Средневой, где содержание стоило дешевле, чем в других лечебницах, а кумыс тем не менее был доброкачественный. На Барбашиной поляне располагалась казенная кумысолечебница военного ведомства «Военный Кумыс» (Гиляровский 1908, с. 69). Помимо лечебниц существовали также кумысные пункты, раскинутые по степи. Они были значительно дешевле, однако больным приходилось жить в кибитках.

К началу XX в. лечение кумысом стало настолько популярным, что открывались лечебные заведения и в других губерниях (Оренбургской, Уфимской). Летом в кумысолечебные заведения съезжались больные со всей России, как для лечения, так и для восстановления сил после болезни.

В путеводителях, впрочем, встречались критические отзывы о самарских кумысолечебницах, поскольку те как курорты не удовлетворяли необходимым санитарно-гигиеническим условиям, были обставлены относительными удобствами и «в исключительных случаях комфортом» (Демьянов 1898, с. 235).

Известность самарских кумысолечебниц нашла отражение и в произведениях классиков: так, в рассказе А.П. Чехова «Цветы запоздалые» доктор советует героине, больной чахоткой, ехать в Самару лечиться кумысом.

Кумысолечение, однако, было не первым и не единственным знаменитым курортом Самарского края. Летом многие самарские жители выезжали на Сергиевские минеральные воды – серные источники, находившиеся близ устья реки Сургут, впадающей в реку Сок. Сюда приезжали для лечения ревматизма, золотухи, геморроя, женских болезней, происшедших от меркуриального лечения (Андреев 1915, с. 233). В ранних путеводителях по Волге говорилось о благоустройстве, удобстве курорта и устраиваемых там развлечениях (Боголюбов 1862, с. 299–300). Единственная неприятность курорта заключалась лишь в серном запахе. К началу XX в. Сергиевские минеральные воды вызывали уже больше критических отзывов, благоустройство хромало, «серное» озеро покрыто тиной (Гиляровский 1908, с. 69; Андреев 1915, с. 233).

Столица губернии – Самара – оставляла противоречивые впечатления. С Волги открывался довольно живописный вид губернского города. По воспоминаниям конца XIX в., Самара «улеглась амфитеатром над рекой, выставив прелестное здание собора на вершине своего холма, как богатую корону» (Сидоров 1894, с. 250). Обращала на себя внимание правильная планировка города с прямыми улицами. Главной, самой лучшей и красивой улицей считалась Дворянская (ныне улица Куйбышева). Долгое время она, едва только начав застраиваться, представляла собой «сочетание 4-этажных домов и роскошных палаццо с жалкими и покосившимися набок домишками» (Монастырский 1884, с. 215), были и не застроенные после пожаров пустыри. Архитектурный ансамбль улицы Дворянской, знакомый нашим современникам, сложился только к началу XX в. К этому времени здесь находились самые лучшие здания, в которых, помимо прочего, располагались губернское правление, городская дума, отделение Государственного банка, публичная библиотека. Другие улицы города даже в начале XX в. отличались хаотичностью, когда «рядом с шикарным домом стояла жалкая лачужка» (Гиляровский 1908, с. 66).

Самара второй половины XIX – начала XX в. вызывала множество нареканий из-за неблагоустроенных улиц. Первое впечатление путешественников, восхищенных красивым видом города с Волги, тут же сменялось другим, стоило только пройтись по улицам города, грязным и пыльным. Лишь в одном путеводителе Самара характеризуется как довольно чистая, имеющая вид большого европейского города с единственным злом в виде пыли и грязной занавоженной набережной (Демьянов 1898, с. 233).

Пыль была главным бедствием Самары того времени. В сухую погоду город вовсе был невидим с Волги из-за туч пыли (Гиляровский 1908, с. 65), а сама пыль ощущалась не только на улицах, но даже над самой Волгой, и при малейшем ветре

пыль забиралась в глаза, в нос, рот, уши (Андреев 1915, с. 222). В основном источником пыли был жигулевский известняк, которым мостили улицы города. Постепенно его заменили на асфальт на центральных улицах и булыжник. На наличие большого количества пыли влияло также и то, что большая часть улиц не поливалась, даже после устройства водопровода.

Только в путеводителях начала XX в. указывалось на небольшие улучшения в благоустройстве Самары. Упоминалось о поливке улиц, об освещении керосино-калильными фонарями, а также о внедрении электрического освещения (Бесчинский 1904, с. 259; Андреев 1915, с. 222). Благодаря этому авторы более поздних путеводителей выражали надежду, что со временем в Самаре благоустройство будет соответствовать уровню европейских городов.

Самара второй половины XIX – начала XX в. не могла похвастаться обилием достопримечательностей. Нередко это объясняли «недревним сравнительно происхождением города Самары» (Гиляровский 1908, с. 67). Хотя главной причиной являлись многочисленные опустошительные пожары.

Любимым местом горожан и путешественников в Самаре был Струковский сад. Он считался не только самым лучшим местом в городе, но и единственным спасением от пыли, его называли «легкими Самары». В конце XIX – начале XX в. в Струковском саду находились деревянный летний театр, вокзал и ресторан, в который часто заглядывали туристы, желая полакомиться громадными раками, которыми в то время также славилась Самара. Летом каждый вечер в саду отдыхали самарцы «всех возрастов, званий и состояний, любуясь природой, видами на Волгу, а еще более туалетами и оживленными манерами самарских красавиц» (Монастырский 1884, с. 215).

Лучшей достопримечательностью считался памятник императору Александру II на Алексеевской площади, открытый в конце 1880-х гг. С него, как правило, в путеводителях начинался обзор достопримечательностей города. Памятник, выполненный скульптором В.И. Шервурдом, представлял собой бронзовую скульптуру царя, по углам постамента были размещены четыре бронзовые фигуры, символизирующие наиболее значительные достижения правления Александра II: отмену крепостного права, окончание войны на Кавказе, покорение Средней Азии, победу в Русско-турецкой войне и освобождение Балкан. Писатель Е.Л. Марков, говоря об этой скульптурной композиции, замечал, что подобные исторические и художественные памятники свидетельствуют о просвещенности жителей города и их гражданских чувствах (Марков 1901, с. 442).

Не оставляло равнодушными и здание городского театра, строительство которого было приурочено к 300-летию Самары в 1886 г. Театр обращал на себя внимание как видом русского терема, так и легкостью, нарядностью и кокетливостью постройки (Гиляровский 1908, с. 68). Кроме того, в качестве мест, которые могли бы заинтересовать туристов, называли грандиозный кафедральный собор на Соборной площади (ныне площадь Куйбышева), Иверский монастырь и Жигулевский пивоваренный завод, восхищавший не только размерами производства, но и «образцовым благоустройством» (Гиляровский 1908, с. 67).

«Истинной достопримечательностью» называли берег реки Самары, на котором располагались хлебные амбары, образуя своеобразный маленький амбарный городок (Кучин 1870, с. 135–136). Весной река Самара вскрывалась ото льда раньше Волги, и на ее берегу начиналась кипучая деятельность по погрузке пшеницы на баржи. Тому, кто попадал туда, казалось, будто он попал в громадный приморский порт, где тысячи людей таскали мешки пшеницы и творился настоящий хаос из скрипов, тресков и шума реки. На берегу Волги также находились амбары, склады и множество пристаней, которые тянулись от устья Самарки до Аннаевского оврага. Все это было следствием активной хлебной торговли, которую вели самарские купцы.

Во второй половине XIX – начале XX в. Самару называли первой на Волге и вообще в России хлебной пристанью (Кучин 1870, с. 129), биржей и базаром всей восточной России (Москвич 1902, с. 204). Торговые операции состояли в закупке и продаже разного хлеба, привозимого из близких и отдаленных селений как по рекам, так и по железным дорогам.

Выгодное и удобное географическое положение на Волге, а с 1870-х гг. и на железной дороге, соединяющей центральные губернии России с Заволжьем, способствовали не просто развитию торговли в городе, но и повышению торгово-промышленного значения Самары для всей страны. Во второй половине XIX в. Самарский край даже называли житницей как Среднего Поволжья, так и всей России. Е.Л. Марков шутил, что на первом плане города возвышались многоэтажные паровые крупчатки, которые казались даже выше церквей (Марков 1901, с. 441).

В свою очередь, бурное развитие хлебной торговли способствовало стремительному росту города. Хотя на это также повлияли и возведение в статус губернского города, и строительство с 1870-х гг. железной дороги. Выгодное географическое положение на перекрестке важнейших торговых путей обеспечило городу быстрый рост, численность жителей с середины XIX в. к началу XX в. увеличилась почти в девять раз (до 180 тысяч человек). Все это способствовало тому, что Самару стали сравнивать с американскими городами. Одним из первых такое сравнение сделал Т.Г. Шевченко в 1857 г., правда, в контексте критики неустроенности городского быта: «Огромнейшая хлебная пристань на Волге, приволжский Новый Орлеан! И нет порядочного трактира!..» (Шевченко 1982, с. 70).

Известные писатели, в частности А.Н. Островский и А.Н. Толстой, крайне негативно оценивали жизнь самарского общества, отмечая жестокие нравы и полное необразование, угнетающие картины человеческого свинства (Селиванов 1953, с. 25, 108), а А.М. Горький находил Самару городом грязным, пахучим, сонным, точно умирающим от старческого маразма (Максим Горький и Самара 1968, с. 346).

Однако в популярной литературе начала XX в. гораздо чаще встречались оптимистические прогнозы для Самары. Ее считали молодым городом, что объяснялось недавним возведением в статус губернского города и началом бурного торгово-экономического развития. Еще в 1870-х гг. Самару называли городом будущего (Немирович-Данченко 1877, с. 125). Несмотря на грязь и неблагоустройство, на рубеже XIX–XX вв. Самара отличалась свежестью и «незатасканностью» (Гиляровский 1908, с. 66), в ней чувствовался пульс большого торгового центра (Крушеван 1896, с. 120).

О Самаре в целом можно сказать, что, хотя представления о ней, сложившиеся к началу XX в., были довольно противоречивы, со временем все больше она внушала радужные надежды на то, что скоро будет в полной мере соответствовать богатству, размерам и значению города как житницы и столицы Поволжья.

С 1880-х гг. Самарский край славился грандиозным сооружением – железнодорожным Александровским (Сызранским) мостом, поражавшим «и величиной, и легкостью, и смелостью постройки» (Сидоров 1894, с. 259). Гигантский мост называли «красой и гордостью» Волги, чудом строительного искусства (Гиляровский 1908, с. 70). В популярных изданиях с гордостью цитировали английский журнал Engineering, в котором Александровский мост назывался «поражающим образцом русского строительного дела» (Монастырский 1884, с. 221). В конце XIX в. он был самым длинным в Европе и считался одним из величайших сооружений этого рода в мире.

К концу XIX в. большую известность приобрел сызранский асфальт. Начатое симбирским помещиком Д.И. Воейковым в 1873 г. асфальтовое производство в 1880-е гг. «уже успело победить предрассудок, будто бы иностранное лучше русского» (Монастырский 1884, с. 220–221). Постепенно сызранский асфальт не только вытеснил заграничный из всех городов России, но и сам пошел на экспорт. В путеводителях активно поддерживали «бренд» сызранского асфальта, указывая, что он распространен не только в Поволжье, но также в Москве – самом серьезном потребителе этого асфальта (Лендер 1889, с. 144).

Еще один крупный город в Самарском Поволжье – Сызрань, в то время входившая в состав Симбирской губернии. Располагалась не прямо на Волге, а на одном из воложков. Как и Самара, Сызрань в XIX–XX вв. занимала видное место среди волжских пристаней. Главным товаром также был хлеб, преимущественно пшено местной обработки и сызранский асфальт. При описании пристани Е.Л. Марков отмечал, что на ней нет «ничего особенно интересного для досужего путешественника, чуждого торговых дел» (Марков 1901, с. 434).

Кроме того, Сызрань являлась крупной биржей сельскохозяйственного труда. Весной количество прибывающих рабочих доходило до 500–800 человек, а летом от – 1000 до 2000 (Бесчинский 1904, с. 273). В путеводителях отмечались торговый дух жителей города и страсть к наживе: «Сызранец представляется всегда не иначе, как человеком себялюбивым и расчетливым до скупости; если он иногда же расщедрится, то исключительно для того, чтобы показать себя пред другими; о развитии же вкуса и комфорта нет и речи» (Монастырский 1884, с. 227).

Сызрань, как и Самара, отличалась стремительным ростом (за пятьдесят лет число жителей увеличилось с 15 до 50 тысяч) благодаря большому торговому значению. Последнее было ей обеспечено выгодным местоположением в узле трех больших железнодорожных линий: Московско-Казанской, Сызранско-Вяземской и Самаро-Златоустовской. В начале XX в. даже появлялись идеи, что Сызрань сможет в скором времени обогнать Симбирск, своего «губернского начальника» (Крушеван 1896, с. 123).

Благоустройство в Сызрани, как и в других городах Самарского Поволжья, оставляло желать лучшего. К 1915 г. в городе был только водопровод, но пока отсутствовали электричество, канализация, мостовые. А из достопримечательностей называли только Вознесенский мужской монастырь, основанный в 1695 г. (Андреев 1915, с. 238). Тем не менее Сызрань выгодно отличало от других уездных городов Поволжья наличие средних учебных заведений, а также садов для гулянья, клуба, газеты (Гиляровский 1908, с. 71). Все это во многом сближало ее с Самарой.

Заключение

Таким образом, говорить о каком-либо целостном образе Самарского Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. вряд ли представляется возможным. Можно отметить несколько ключевых аспектов этого образа, которые отражались главным образом в путеводителях и путевых заметках.

Жемчужиной края считались Жигулевские горы, прославившиеся природными красотами и сохранившие о себе память как пристанище волжской вольницы. Примечательно, что истории о волжских разбойниках носили в основном полулегендарный характер. Но главное – волжскую вольницу можно считать наиболее известным сюжетом прошлого Самарского края, который сохранился в российской исторической памяти пореформенной эпохи.

Самарское Поволжье второй половины XIX – начала XX в. для современников – это в первую очередь многонациональный край со своей этнокультурной спецификой. Это курорты и, главным образом, кумысолечебный, известный во всей России и даже за ее пределами. Это житница Поволжья с самыми крупными на Волге хлебными пристанями, а также край, известный своими месторождениями, в особенности жигулевского известняка и сызранского асфальта.

Главный город края – Самара – со страниц путеводителей представал как быстро развивающийся европейский город с большими перспективами, который, хоть и мог похвастаться немногими достопримечательностями, оставлял желать лучшего в плане благоустройства, что свойственно было и другим наиболее примечательным городам региона.

За исключением легенд о волжской вольнице, остальные черты образа Самарского Поволжья, отражавшиеся на страницах путеводителей и очерков путешествий, сформировались в общественном сознании в пореформенную эпоху. Можно предположить, что регион только обретал свое место на «ментальной карте» российского общества второй половины XIX – начала XX в.

Источники фактического материала

Андреев 1915 – *Андреев Н.* Иллюстрированный путеводитель по Волге и ее притокам Оке и Каме: С видами городов и достопримечательностей. 2-е изд. Москва: Тип. и цинк. торг. д. «Мысль», 1915. 336, [29] с.

Бесчинский 1904 – *Бесчинский А.Я.* Путеводитель по Волге. 2-е изд. Москва: Т-во И.Н. Кушнерева и К°, 1904. 384 с.

Боголюбов 1862 – *Боголюбов Н.П.* Волга от Твери до Астрахани. Санкт-Петербург: Издание Общества «Самолет», типография Гогенфельдена и Кº, 1862. 415 с.

Гиляровский 1908 – *Гиляровский В.А.* «Волга»: Новейший путеводитель. Казань: Кн-во «А.П. Петров», 1908. 96 с.

Демьянов 1898 – *Демьянов Г.П.* Иллюстрированный путеводитель по Волге. Изд. 4-е. Нижний Новгород: Типография Губернского Правления, 1898. 359 с.

Крушеван 1896 – *Крушеван П.А.* Что такое Россия? Путевые заметки. Москва: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1896. 374 с.

Кучин 1870 – *Кучин Я.П.* Путеводитель по Волге между Нижним и Астраханью. Изд. 2. Санкт-Петербург: Тип. Имп. АН, 1870. 258 с.

Лендер 1889 – *Лендер Н.* Волга: очерки и картины. Санкт-Петербург: Издание Общества «Самолет», типография А.С. Суворина, 1889. 260 с.

Максим Горький и Самара 1968 – *Максим Горький и Самара*: сборник / сост. Л.А. Финк, В.З. Иванов-Паймен. Куйбышев: Кн. изд-во, 1968. 431 с.

Марков 1901 – *Марков Е.Л.* Россия в Средней Азии: очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре и другие: в 2 т. и 6 ч. Т. 2. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. IV, 516 с.

Монастырский 1884 – *Монастырский С.И.* Иллюстрированный спутник по Волге. Казань: Типолитография Ключникова, 1884. 512 с.

Москвич 1902 – *Москвич Г.Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Волге. Одесса: тип. Л. Нитче, 1902. 368 с.

Немирович-Данченко 1877 – *Немирович-Данченко В.И.* По Волге: (Очерки и впечатления летней поездки). Санкт-Петербург: Изд. Тузова И.Л., 1877. 403 с.

Орешина 2001 – *Орешина М.А.* Русский Север начала XX века как историко-культурное пространство: источниковедческие и методологические подходы к изучению проблем регионалистики: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2001. 333 с.

Руцинская 2012 – *Руцинская И.И.* Образы российских регионов в культурном пространстве России второй половины XIX – начала XX в.: автореферат дис. ... д-ра культурологии. Москва, 2012. 45 с.

Селиванов 1953 – *Селиванов К.А.* Русские писатели в Самаре и Самарской губернии. Куйбышев: Кн. изд-во, 1953. 160 с.

Сидоров 1894 – *Сидоров В.М.* По России: путевые заметки и впечатления. От Валдая до Каспия. Кн. 1. Санкт-Петербург: Тип. А. Катанскаго, 1894. II, V, 360, [5] с.

Сырнев 1901 – *Сырнев И.Н.* Исторические судьбы Среднего и Нижнего Поволжья и культурные ее успехи // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В.П. Семенова. Т. 6. Санкт-Петербург: Издание А.Ф. Девриена, 1901. С. 112–140.

Трупчинский 1908 – *Трупчинский А.В.* Среднее Поволжье. Москва: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1908. 152 с.

Шевченко 1972 – *Шевченко Т.Г.* Дневник. Автобиография: Автографы. Киев: Наук. думка, 1972. 231 с.

Шелгунов 1895 – *Шелгунов Н.В.* Очерки русской жизни. Санкт-Петербург: Издание Поповой О.Н., 1895. 1098 стб.

Библиографический список

Власова 2013 – *Власова Е.Г.* У истоков образа Урала: отчеты об ученых путешествиях конца XVIII в. // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 2. С. 159–171. URL: https://gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/73; https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20045249.

Вульф 2003 – *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения: пер. с англ. Москва: Новое литературное обозрение, 2003. 548 с. URL: https://royallib.com/book/vulf_larri/izobretaya_vostochnuyu_evropu_karta_tsivilizatsii_v_soznanii_epohi_prosveshcheniya.html.

Город и время 2012 – *Город и время*: в 2 т. Интернациональный научный альманах «Life sciences», тематический выпуск 2012 г. Издание предпринято в рамках проекта «Города – страна – Волга. Региональная культура и имидж города» / авт. проекта: Елена Бурлина, Лариса Иливицкая, Юлия Кузовенкова. Самара: Книга, 2012. Т. 1. 208 с. URL: https://www.samsmu.ru/files/smu/news/240912/cities_and_time_1.pdf; https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21528663.

Дегоев 2018 – *Дегоев В.В.* Кавказ в трудах европейских авторов XVIII века // Известия СОИГСИ. 2018.

№ 29 (68). С. 35–54. DOI: http://doi.org/10.23671/VNC.2018.68.17160; № 30 (69). С. 24–36. DOI: http://doi.org/10.23671/VNC.2018.69.22418.

Замятин 2006 – *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: моделирование географических образов. Москва: Знак, 2006. 485 с. URL: https://iknigi.net/avtor-dmitriy-zamyatin/43338-kultura-i-prostranstvo-modelirovanie-geograficheskih-obrazov-dmitriy-zamyatin/read/page-1.html.

Лопатина 2019 – *Лопатина Е.А.* Самарский край в русских путеводителях (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Аверкинско-ибряйкинские краеведческие чтения: сб. ст. Тольятти: Изд-во ИССТЭ, 2019. Вып. 3. С. 37–45. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41356878.

Родигина 2006 – *Родигина Н.Н.* «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2006. 343 с. URL: https://www.prlib.ru/item/315797.

Руцинская 2014 – *Руцинская И.И.* Путеводитель как феномен массовой культуры. Образы российских регионов в провинциальных путеводителях второй половины XIX – начала XX века. Москва: Ленард, 2014. 285 с.

Саид 2006 – *Саид Эдвард Вади*. Ориентализм: Западные концепции Востока / пер. с англ. А.В. Говорунова. Санкт-Петербург: Русский Міръ, 2006. 636 с. URL: https://vk.com/wall-52136985_21.

Цыганова 2015 – *Цыганова Я.М.* Романтический образ Среднего Поволжья в популярной литературе второй половины XIX – начала XX вв. // Романтизм и позитивизм как историографические эпохи: современный взгляд. Самара: СамГМУ, 2015. С. 151–169.

References

Vlasova 2013 – *Vlasova E.G.* (2013) At the cradle of the Ural image: late 18th century reports on scientific travels. *Cultural Geography and Geohumanities*, vol. 2, no. 2, pp. 159–171. Available at: https://gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/73; https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20045249. (In Russ.)

Wolf 2003 – *Wolf L.* (2003) Inventing Eastern Europe: the Map of Civilization in the Mind of the Enlightenment: translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 548 p. Available at: https://royallib.com/book/vulf_larri/izobretaya_vostochnuyu_evropu_karta_tsivilizatsii_v_soznanii_epohi_prosveshcheniya.html. (In Russ.)

City and time 2012 – *The City and time* (2012): in 2 vol. Vol. 1. International scientific almanac «Life sciences», thematic release of 2012. The edition undertaken within the project «The Cities – the Country – Volga. Regional culture and image of the city». The authors of the project: Elena Burlina, Larisa Ilivizkaja, Julia Kuzovenkova. Samara: Kniga, 208 p. Available at: http://www.samsmu.ru/files/smu/news/240912/cities_and_time_1.pdf; http://www.elibrary.ru/item.asp?id=21528663 (In Russ.)

Degoev 2018 – *Degoev V.V.* (2018) Caucasus in the works of the European authors of the XVIIIth century. *Izvestia SOIGSI*, no. 29 (68), pp. 35–54. DOI: http://doi.org/10.23671/VNC.2018.68.17160; no. 30 (69), pp. 24–36. DOI: http://doi.org/10.23671/VNC.2018.69.22418. (In Russ.)

Zamyatin 2006 – *Zamyatin D.N.* (2006) Culture and space: modeling geographic images. Moscow: Znak, 485 p. Available at: https://iknigi.net/avtor-dmitriy-zamyatin/43338-kultura-i-prostranstvo-modelirovanie-geograficheskih-obrazov-dmitriy-zamyatin/read/page-1.html. (In Russ.)

Lopatina 2019 – *Lopatina E.A.* (2019) Samara region in Russian guidebooks (second half of the XIX – early XX centuries). In: *Averkinsko-Ibryaykinsky readings of local lore: collection of articles.* Togliatti: Izd-vo ISSTE, issue 3, pp. 37–45. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41356878. (In Russ.)

Rodigina 2006 – *Rodigina N.N.* (2006) «Other Russia»: the image of Siberia in the Russian magazine press in the second half of the XIX – early XX centuries. Novosibirsk: Izd. NGPU, 343 p. Available at: https://www.prlib.ru/item/315797 (In Russ.)

Rutsinskaya 2014 – *Rutsinskaya I.I.* (2014) Guidebook as a phenomenon of mass culture. Images of Russian regions in provincial guidebooks in the second half of the XIX – early XX centuries. Moscow: Lenard, 285 p. (In Russ.)

Said 2006 – *Said Edward W.* (2006) Orientalism. Translated from English by A.V. Govorunov. Saint Petersburg: Russkii Mir", 636 p. Available at: https://vk.com/wall-52136985_21. (In Russ.)

Tsyganova 2015 – *Tsyganova Ya.M.* (2015) Romantic image of the Middle Volga region in popular literature in the second half of the XIX – early XX centuries. In: *Romanticism and positivism as historiographic eras:* a modern view. Samara: SamGMU pp. 151–169. (In Russ.)